

≈ 21 мин

Настоящий текст является выступлением Фернандо Мартинеса Эредиа¹ на презентации книги «Эрнесто Че Гевара: большая экономическая дискуссия на Кубе» (Ernesto Che Guevara: El gran debate sobre la economía en Cuba en 1963-64. La Habana: Ocean Press / Centro de Estudios Che Guevara, 2003).

В этот том включено большинство работ Че Гевары, написанных в ходе дискуссии 1963-64 гг., где публично обсуждался не только стратегический выбор путей экономического и политического развития кубинской революции, но и более общие теоретические вопросы, такие, как основания марксистской теории стоимости. Не следует забывать также об обсуждении различных общих концепций того, что Маркс и Энгельс называли материалистическим пониманием истории. Дискуссии эти проводились не в уютной тиши академических аудиторий, но в вихре бурлящей социалистической революции, в непосредственной близости от империалистического гиганта наших времён — Соединённых Штатов Америки, продолжающих уничтожать нас и угрожать нам и сегодня.

Эта кубинская дискуссия, без сомнения, сравнивая по своему историческому и теоретическому значению с большевистскими дискуссиями 1920-х гг., к огромному сожалению, была проигнорирована или даже просто не замечена целыми поколениями латиноамериканских и европейских учёных. И сегодня, в силу ментального евроцентризма и колониализма, отрицается способность народов Третьего мира внести в социальную мысль вклад всемирного значения.

Прямыми участниками дискуссии были Эрнесто Че Гевара, Марсело Фернандес

Фонт, Альберто Мора, Луис Альварес Ром, Хоакин Инфанте Угарте, Алексис Кодина, Марио Родригес Эскалона, Мигель Коссио, Эрнест Мандель и Шарль Беттельхейм. К их работам в сборнике добавлены два более поздних выступления об этой дискуссии. Одно — Карлоса Рафаэля Родригеса (оппонента Че в 60-е), другое — Фиделя Кастро (знаменитая речь 1987 г. по поводу 20-летия убийства Че, в которой он отстаивает позицию Гевары в этой дискуссии и отдает ей должное)².

Публикация этой книги — событие классовой борьбы, которая ведётся сегодня между двумя обществами и двумя представлениями о жизни и мире: империалистическим капитализмом и теми, которые ему противостоят, или, по крайней мере, отказываются быть поглощёнными и раздавленными им. «Большая дискуссия...» воскрешает полемику, которая имела исключительно важное значение для истории наших идей, и помещает нас, хотя бы частично, в историческую атмосферу периода создания общества, отличного от капитализма, а не просто противостоящего ему; это общее ощущение 1960-х годов, на мой взгляд, позволило Кубинской революции развиваться и утвердиться, а людям — в ходе великолепного и труднейшего процесса сделать её своей навсегда, вплоть до сегодняшнего дня.

Верно, что они спорили о принципе организации экономики — централизации или децентрализации, — об уровнях принятия решений, о политике оплаты труда, о роли банка, о кредите, о затратах на производство, о ценах, о взаимоотношениях между государственными предприятиями. Но этого совершенно недостаточно для того, чтобы охарактеризовать дискуссии. Прежде всего, в начале 1960-х годов решались такие важные вопросы, как

широта полномочий новой власти и её возможности для осуществления радикальных перемен. И, конечно же, всё, что с этим связано — воспроизводство общественной жизни, защита от врагов, создание новых отношений и институтов и, в конечном счёте, разработка проекта, который стал бы подлинным революционным идеалом.

Этот более общий контекст дополняет альянс с СССР, который вскоре возымел огромное значение. Победа и освобождение кубинцев стали плевком в лицо империалистическим гигантам. Кубе пришлось столкнуться с систематической агрессией самой мощной державы в истории — североамериканского империализма — и по возможности избежать груза негативных аспектов её отношений с Советским Союзом. Последнее было крайне важно для волнующего нас вопроса, а именно, вопроса о социалистическом переходе, поскольку существовали очевидные несоответствия и противоречия, с одной стороны, между коммунистическим идеалом, процессами обобществления, революционной властью и интернационалистическими идеалами кубинской социалистической национально-освободительной революции, а с другой — теоретизированной идеологией советской системы, которая, однако, была главной силой в мире, говорила и действовала от имени социализма и марксизма.

В идейной области за этой дискуссией стоял неотложный и неизбежный вопрос развития кубинской революционной мысли. Че отличился и в этой области, сыграв, без преувеличения, ключевую роль.

БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ ТОГО, ЧТО ПОТРЕБЛЯЛОСЬ

НА КУБЕ ПОД НАЗВАНИЕМ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА И ПОЛИТЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА, БЫЛО СКОРЕЕ МЁРТВЫМ ГРУЗОМ, НАВЯЗАННЫМ СОВЕТСКИМИ РЕВИЗИОНИСТАМИ, ЧЕМ ИНСТРУМЕНТАМИ ДЛЯ ОСМЫСЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ, И, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, ДЛЯ ДВИЖЕНИЯ ВПЕРЁД.

Этот мёртвый груз давил на спину, на горло и на сознание революционеров, так как казалось, что ему нет альтернативы, а его внешняя связь с социализмом придавала новый блеск старым аргументам угнетателей: что существует неизменная человеческая природа, которой ограничиваются все действия; что эгоизм является главной движущей силой каждого индивидуума; что законы экономики не зависят от воли человека; и так далее. Воистину, опасность заключалась в том, что эта идеология и теоретический корпус были предложены — и приняты — как отвечающие нуждам социалистической революции. Догматизм не был случайным недостатком. Достаточно лишь взглянуть на историю теории и развития её концепций, чтобы заметить, что последние десятилетия существования СССР марксизм там был выхолощен — ещё одно следствие чудовищной деформации сути большевистской революции и коммунистического проекта.

Непосредственной причиной дискуссии стали различия в подходах внутри революционного лагеря к управлению экономикой. Как понимали происходящее

и свои задачи различные сторонники революционного режима? Как соотносились между собой власть и социализм в рамках революции? Все кубинцы, участвующие в дискуссии, в то же время занимали ответственные революционные посты. Все они выступали за революционные преобразования экономики Кубы.

Итак, то было не столкновение противников, а товарищеская дискуссия. Однако споры между революционерами были — и всегда будут — жизненно важны для социализма, поскольку новое общество ещё только нужно создать, оно требует новшеств, интуиции и редкого сочетания строгости и дерзости, принципиальности и скептицизма, верности и разработки собственных подходов. Тогда, в гаванских журналах, в своём споре они затрагивали очень важные проблемы, открыто заявляя о своих расхождениях, и это никак не ослабляло социалистический режим — совсем наоборот. Это был урок исторического значения, и Че принял в нём знаковое участие.

Полемика не ограничивалась лишь самоуправлением и системой бюджетного финансирования, отношениями между материальными стимулами и моралью, такими темами экономической деятельности, как роль банков, производственные издержки, отношения между государственными предприятиями и др. Дискуссия касалась также характера и роли закона стоимости и планирования в период социалистического перехода, вопроса об обязательной взаимосвязи между определённым «уровнем» развития производительных сил и производственными отношениями — существующими и теми, которые предстоит установить, — и масштабов воспитательной работы при построении социализма. Впервые в Америке дискуссия между

руководителями социалистического государства и его главными экономическими организациями касалась фундаментальных понятий марксизма, политэкономии, возможных систем социалистического экономического управления в связи с самыми общими идеями политэкономии. В качестве третейских судей выступили известные экономисты-теоретики Западной Европы.

В 1962 года в СССР началась дискуссия вокруг статьи Е. Либермана «План, прибыль, премия», посвящённой критерию доходности, масштабам основного плана и стимулированию эффективности предприятий путём расширения их автономии, материальному интересу и политике стимулирования рабочих. Эта полемика предварила советскую экономическую реформу 1965 года и аналогичные реформы, которые, пусть и со своими особенностями, были проведены в других странах Восточной Европы. И вполне естественно, что эти идеи проникали в нашу страну.

Однако кубинская дискуссия имела собственную отправную точку. И была гигантским шагом вперёд для марксистских идей — следствие победы революции и социализма на Кубе, необходимой предпосылки, которая, однако, не была бы достаточной, если бы не было такого исключительного сочетания благоприятных факторов. Политическая культура, которая в течение уже полутора веков связывает существование или смену режимов с судьбой экономических структур производства и социальных отношений, рассматриваемых в качестве объектов защиты или нападения, и формулирует веские аргументы в обоих случаях. История вековой революционной борьбы, чрезвычайно богатой с политической и идеологической точки зрения, которая

создала нацию и насадила народный патриотизм в сочетании с политическим радикализмом, связала анти-империализм с идеями и борьбой за национальное освобождение, а последние — с представлениями о борьбе за социальную справедливость, борьбе рабочего класса. Укоренение марксизма и социалистических идей, начиная с революционного движения 1930-х годов. Своеобразие революции, которая началась в казарме Монкада, в том, что она смогла объединить все имеющиеся народные силы и обрушить их как на очевидных, так и ключевых, менее заметных, врагов народа в непрерывной последовательности борьбы, преобразований и побед. И личность революционера Фиделя Кастро, предводителя вооружённой народной революции, главного организатора революционного единства, руководителя всех значительных перемен, глубокого и оригинального социалистического мыслителя, является сама по себе значительной силой.

И в то же время были крайне неблагоприятные результаты колониальной и неоколониальной истории и тесных связей с метрополией, после освобождения превратившейся в заклятого врага кубинского социализма. Все эти факторы вынуждали Кубу под страхом исчезновения развивать собственную мысль, осмыслять условия своего существования и свой проект, использовать марксизм в качестве орудия революции. Экономическая дискуссия 1963-64 годов была теоретической формулировкой этой необходимости. Первое, что бросается в глаза — это достигнутые при решении поставленных вопросов глубина и строгость; и более всех выделялся этими качествами, а также оригинальностью и силой своих идей, Че — партизан, ставший руководителем и министром. Обсуждался, на самом деле, выбор экономической политики, вписанный, в свою очередь, в более общие решения, определяющие путь Кубы к социализму.

Мнение о необходимости «усовершенствования» системы хозрасчёта (или самоуправления, как предпочитает называть её Че), не сводится к тезису о достижении экономической эффективности: оно подразумевает веру в то, что в переходный период развитие экономической системы проходит через достижение положения, когда «экономика создаёт себя сама», то есть когда экономические отношения автономны до той степени, которая гарантирует их функционирование посредством их собственных правил, контроля, стимулирования, поощрения инициативы и способов хозяйственного расчёта.

На самом деле, спор двух позиций касался следующих вопросов. До какой степени квалифицированные лица могут сознательно вмешиваться в построение социализма? Какова настоящая роль государства, партии и идеологии в этом экономическом строительстве? Должны ли «экономические законы» задавать курс? Должны ли экономические результаты определять этапы социализма и верную политику на каждом из них? Эти вопросы касаются природы основных рычагов социалистического строительства, а следовательно, касаются также и того, как двигаться, с какой скоростью двигаться, и, что крайне важно, где остановиться.

Итак, мы на распутье: должна ли Куба пройти «промежуточные» этапы, необходимые для «построения социализма», или с самого начала социалистического строительства необходима также трудная и долгая коммунистическая борьба за ликвидацию всех форм господства? И не является ли это частным случаем общего правила, которое, с национальными особенностями, должно распространяться на весь мировой социализм? Такое теоретическое обобщение справедливо, поскольку в рамках марксизма

коммунизм изначально мыслился как результат деятельности пролетариата в общемировом историческом масштабе. И практика этих лет, стремительная и все усиливающаяся интернационализация революционных процессов, лишь подтверждали эту идею. Всё произошло не так, как ожидал Маркс, однако реально освобождавшиеся страны так называемого Третьего мира — мира капиталистического колониализма и неоколониализма, — видели в социализме единственный путь, хотя и крайне различались исходным положением и национальными реалиями.

В основе экономической дискуссии — я не хочу умалять истину того, что никакую дискуссию такого типа не объяснить в полной мере, если рассматривать лишь темы, а не использованные аргументы, — лежит столкновение различных представлений о социальном прогрессе и характере революции. И вызвано оно борьбой за первенство внутри марксистского лагеря двух концепций: детерминистской и основанной на практике. С неперенным учётом всех оговорок, марксизм в течение всей своей долгой истории всегда был связан, среди прочих факторов, с политической и социальной борьбой, с организацией и государственной властью, с национальными и культурными особенностями и т. д. Всё это включает обилие нюансов в каждом отдельно взятом случае.

***ЧЕ ВЫСТУПАЕТ В ЗАЩИТУ МАРКСИСТСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ РЕВОЛЮЦИИ, СТАВЯЩЕЙ ВО
ГЛАВУ УГЛА РОЛЬ СОЗНАТЕЛЬНОГО И
ОРГАНИЗОВАННОГО ДЕЙСТВИЯ, И ДЕЛАЕТ***

***ЭТО СО СКРУПУЛЁЗНОСТЬЮ ЧЕЛОВЕКА,
КОТОРЫЙ ПРОДУМАЛ И СТРУКТУРИРОВАЛ ЕЁ
ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ И ВНУТРЕННИЕ
ВЗАИМОСВЯЗИ.***

В его текстах явственно предстаёт смысл того замечания, которое он высказал своим товарищам в Министерстве промышленности: Система бюджетного финансирования — лишь часть общей концепции развития и построения социализма, выражение вписанной в неё экономической политики.

Таким образом, Система бюджетного финансирования, будучи больше, чем тщательно организованной системой (хотя и этим тоже), есть одна из множества социалистических и коммунистических мер при социалистическом переходе, необъяснимая для анализа. Она ограничивается лишь техническими аспектами и неприменима вне всей полноты концепции и определённых действий.

Именно эта концепция определяет её основную идею о том, что революционный авангард, испытывающий всё большее влияние марксизма, сможет сознательно предвидеть последующие шаги и, таким образом, ускорить ход исторических событий *«в пределах того, что объективно возможно»*. Это прямое утверждение, которое Че в ходе дискуссии решительно помещает в центр своей позиции, присутствовало, впрочем, также — прямо или косвенно, — в его текстах и выступлениях предшествующих лет.

Именно эта философская позиция, опирающаяся на практику, позволяет вырваться из ложной дилеммы, которая делит людей на материалистов и идеалистов по тому, принимают ли они жёсткий экономический детерминизм или нет. И именно эта позиция позволяет Че прийти к диалектическому пониманию революции.

Несомненно, что его концепция предполагает отрицание ведущей роли экономики в революции и социалистическом переходе даже «в последней инстанции». Однако не до конца верно то, что Че противопоставляет «сознание» «экономике»: подобное суждение означает непонимание его позиции; хотя понятно, что в рамках детерминистской концепции социального такая дихотомия неслучайна.

Че показывает, что именно власть является источником управления экономикой — революционная власть, которая постоянно должна быть способна развиваться, становясь властью организованных рабочих и народа. Сила и энтузиазм, структурированные политическим авангардом и институтами нового государства и нового общества, которые ликвидируются и организуются на более высоком уровне, имеют решающее значение для достижения поставленной цели — сделать так, чтобы производительные силы и отношения производства перестали быть средствами увековечивания господства, и одновременно добиться самого глубокого изменения индивидов, всей жизни и всего общества, унаследованных от капитализма. Ведущее значение следует отводить сознанию, направляющему организованную и запланированную деятельность, особенно в отношении поставленных целей, средств, постоянно привлекаемых для их достижения, и реальных препятствий, с которыми

необходимо бороться: рыночными отношениями, отсталостью, собственными деформациями и мировым капитализмом.

Образование, общественное принуждение, нормирование, социальный долг, комбинирование стимулов, относительная неразвитость общественного сознания, соревнование, добровольный труд — эти слова используются повсюду в экономических текстах Че; и с ними прекрасно сочетаются производство, планирование, товар, затраты на изготовление, стоимость, цены, финансы, система экономического управления. К примеру, для определённого вида работы необходимо уметь измерять, и измерять технически, сознательность. Сознательность, в свою очередь, есть достигаемое людьми понимание экономических фактов и уровень овладения ими. Отсюда можно выйти на определение централизованного планирования, данное Че Геварой и столь странно звучащее для слушателей, приверженных механицизму: *«это способ бытия социалистического общества, его определяющая категория; тот рубеж, где человеческое сознание достигает, наконец, возможности обобщить и направить экономику к своей цели — полному освобождению человеческой личности в рамках коммунистического общества»*.

Следовательно, речь идёт не о недооценке экономики, а о том, что она должна направляться сознательно, потому что её новая цель не имеет ничего общего с извлечением прибыли. Именно из-за огромной важности экономики Че занимается ей с таким усердием и страстью, изучает её и начинает дискуссию о ней прежде, чем о других аспектах социалистического перехода. Необходимо положить конец снова и снова повторяющейся и укореняющейся у нас ошибке — попыткам построить социализм, используя орудия, унаследованные от

капитализма. Потому надо заняться также углублением анализа, теории и дискуссий об экономических и социальных идеях как частью социалистической борьбы.

В полемике Че объясняет слабые места воплощения его позиции на практике и не единожды упоминает, что многие из его идей не подкреплены достаточными доказательствами. Но аргументированно и упорно настаивает на всех важных аспектах своей позиции, демонстрирует огромную веру в способность революционных масс изменить мир и бескомпромиссен в вопросе о необходимости анализировать, соединять теорию с практикой в конкретной ситуации, быть оригинальным: *«Задачу строительства социализма на Кубе надо ставить, избегая, как чумы, механицизма»*.

Дюжина страниц статьи «Социалистическое планирование, его значение» — одна из вершин марксистской экономики в силу ценности её главного тезиса, блеску, с которым Че атакует противоположную аргументацию и объединяет составляющие своего дискурса, ясности и глубины постановки главных проблем экономики переходного периода, качества и богатства его краткой прозы. Гевара, столь же антидогматичный и оригинальный, как и близкий изначальному марксизму, нападает в этой статье на основную деформацию, привнесённую в марксизм и сохраняемую на протяжении десятилетий. И успешно связывает реальную экономику с анализом совокупности общественных отношений и условиями их существования, экономическую мысль — со всей социальной мыслью в её полноте, факты и мышление — с их собственной историей.

Экономика социалистического перехода занимает центральное, но не независимое, место в концепции социализма и коммунизма Че Гевары. Ей он посвятил сотни страниц и множество выступлений, пространные размышления и предложения по образованию и пропаганде. Вопреки тем, кто думает, что он заменил реализм экономики идеализмом сознания, Че осознавал высшую важность экономической действительности общества и неизбежную потребность достичь радикально нового, социалистического, уровня экономического развития. Это он понимал настолько хорошо и так хорошо видел зависимость от него будущего социализма, что создавал, защищал и на практике применял тезис о том, что для движения к социализму и коммунизму экономика должна направляться сознательно.

Я закончу вопросом Че:

«Почему считать, что то, что „есть“ в переходном периоде, обязательно „должно быть“?»

И его приглашением:

«не слишком сомневаться в наших силах и способностях».

Обе цитаты принадлежат той дискуссии, но сохраняют актуальность и сегодня. Когда пятнадцать лет назад я искал эпиграф, достойный помещения в начале книги, в которой я попытался изложить концепцию и интеллектуальную борьбу Че, я нашёл эту фразу Хосе Марти, которая до сих пор кажется мне идеальным описанием Гевары:

«единственный практичный человек, чья мечта сегодня будет законом завтра».

Источник

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. Фернандо Мартинес Эредиа — член Международного академического комитета Кафедры политического образования им. Эрнесто Че Гевары Народного университета имени матерей Пласа-де-Майо. Он был главным редактором кубинского журнала «Критическая мысль» (Pensamiento Crítico) и руководителем кафедры философии Гаванского университета в конце 1960-х годов. Автор ряда других работ и следующих книг: «Ректификация и углубление социализма на Кубе» (1989), «Че и социализм» (премия Дома Америк 1989 г.), «В огне 90-х» (1999) и «Красное смещение» (2002). В настоящее время — исследователь Центра кубинской культуры им. Хуана Маринельо. ↩
2. Предисловие от редакции сайта rebellion.org. ↩